

ХУШ. ПРИХОД ДОБРОЛЮБОВА В „СОВРЕМЕННИК“

Один из учеников Чернышевского по Саратовской гимназии, Н. Турчанинов, учившийся в Петербурге в Педагогическом институте, принес ему однажды летом 1856 года рукопись статьи своего товарища по институту с просьбою посмотреть, годится ли она для «Современника». Это была статья Н. Добролюбова о «Собеседнике любителей российского слова». Турчанинов, юноша, по словам Чернышевского, «очень благородного характера и возвышенного образа мыслей», чрезвычайно расхвалил автора, сказав, что горячо любит его.

С первого же взгляда на статью Чернышевский увидел, что она превосходно написана и что мнения, в ней выраженные, очень близки по духу «Современнику».

— Статья хороша, — сказал он Турчанинову, когда тот явился за ответом, — она будет напечатана в «Современнике», передайте автору, что я прошу его побывать у меня.

Чернышевский запомнил, что еще прежде того ему уже доводилось слышать фамилию автора этой статьи от И. И. Срезневского, который в 1855 году

рассказал ему, что два студента Педагогического института, Щеглов и Добролюбов, попали в беду: у них были найдены заграничные издания Герцена. Директор института Давыдов собирался предать огласке это дело, что грозило студентам очень серьезными последствиями, — может быть, тюрьмой и ссылкой. Обоих студентов было жаль Срезневскому, но особенно жалел он Добролюбова, человека, по его отзыву, благородного, необыкновенно даровитого и уже обладавшего обширнейшими познаниями. С большим трудом удалось Срезневскому и другим профессора «урезонить» Давыдова и избавить тем самым молодых людей от беды. Узнав о благоприятном исходе дела, Чернышевский забыл об этой истории, позабыл и фамилии этих студентов, слышанные тогда от Срезневского.

Когда Добролюбов пришел к Чернышевскому познакомиться и поговорить о своей статье, между ними завязалась многочасовая беседа. «Я спрашивал, — рассказывает в своих воспоминаниях Чернышевский, — как он думает о том, о другом, о третьем; сам говорил мало, давал говорить ему. Дело в том, что по статье о «Собеседнике» мне показалось, что он годится быть постоянным сотрудником «Современника». Я хотел узнать, достаточно ли соответствуют его понятия о вещах понятиям, излагавшимся тогда в «Современнике». Оказалось, соответствуют вполне. Я, наконец, сказал ему: «Я хотел увидеть, достаточно ли подходят ваши понятия к направлению «Современника», вижу теперь, подходят; я скажу Некрасову, вы будете постоянным сотрудником «Современника». Он отвечал, что он давно понял, почему я мало говорю сам, даю говорить всё ему и ему. Тогда я стал спрашивать его о личных его делах. Рассказав об отце,

о своем сиротстве, о сестрах, он стал говорить о своем положении в Институте; дошло дело до того, что он находится в опале у Давыдова, до поводу того, что у него и Щеглова (не помню эту фамилию, кажется — Щеглов) были найдены заграничные издания Герцена. Только тут мне вспомнилась история, слышанная от Срезневского. «Так это были вы, Николай Александрович! Вот что!» Мысли у меня в ту же секунду перевернулись «Когда так, то дело выходит неприятное для вас и для меня, нуждающегося в товарище по журнальной работе: эту статью, так и быть, поместим; одну статью можно утаить от Давыдова. Но больше не годится вам печатать ничего в «Современнике» до окончания курса. Если бы Давыдов узнал, что вы пишете в «Современнике», то беда была бы вам».

Так началось знакомство Чернышевского с Добролюбовым, перешедшее вскоре же в теснейшую дружбу и неразрывный союз в борьбе их за общее дело.

Ни до этого знакомства, ни после смерти Добролюбова Чернышевскому не случалось встречать людей, которые были бы столь же близки ему по своим взглядам и убеждениям, по всему своему душевному строю. Разница в возрасте не играла тут роли, хотя Добролюбов был лет на восемь моложе Чернышевского. Ранняя зрелость мысли, необыкновенно высокий уровень знаний, широта кругозора, цельность и последовательность воззрений на жизнь, исключительная требовательность к себе — вот что поражало всех, кому приходилось сталкиваться с Добролюбовым. Словно бы предчувствуя, как коротка будет его жизнь, Добролюбов неустанно расширял свои знания и спешил кипучей деятельностью возместить ее кратковременность.

Трудно сказать, с чьей стороны была сильнее привязанность и любовь, щедро проявленные ими друг

к другу. Чернышевский говорил впоследствии, что он любил Добролюбова, как сына. Ни малейшей тенью не омрачены были их отношения. Чернышевский, переживший младшего друга на двадцать восемь лет, посвятил много сил и времени собиранию и обработке материалов для биографии Добролюбова. С поразительной скрупулезностью стремился он воссоздать день за днем историю этой короткой, но славной жизни, посвященной служению родине.

В романе «Пролог», написанном в сибирской ссылке, Чернышевский вывел Добролюбова под фамилией Левицкий. (Это, как уже говорилось раньше, фамилия его первого друга на жизненном пути, саратовского семинариста, даровитого юноши, сломленного уродливыми условиями жизни.) Впечатление от первой встречи с Добролюбовым отражено в романе следующим образом: Волгин (Чернышевский) говорит своей жене на другой день после знакомства с Левицким (Добролюбовым): «Проговорил с ним часов до трех. Это — человек, голубочка, со смыслом человек. Будет работать... Да ему двадцать первый год только еще. Замечательная сила ума!.. Ну, пишет превосходно, не то, что я: сжато, легко, блистательно, но это, хоть и прекрасно, пустяки, разумеется, — дело не в том, а как понимает вещи. Понимает. Все понимает, как следует. Такая холодность взгляда, такая самобытность мысли в двадцать один год, когда все поголовно точно пьяные!..»

Достаточно было Волгину провести один день в обществе своего будущего друга, чтобы он, не задумываясь, предложил ему писать в журнал, о чем тот хочет, сколько хочет, как сам знает.

— Толковать с вами нечего. Достаточно видел, что вы правильно понимаете вещи!

— Вы предоставляете мне полную волю в журнале?

— А разве были бы вы очень нужны мне, если бы не так? Сотрудников, которых надобно водить на помочах, можно иметь, пожалуй, хоть сотню; да что в них пользы? Пересматривай, переправляй, — такая скука, что легче писать самому... С тех пор, как я распоряжаюсь журналом, я искал человека, с которым мог бы разделить работу... Вижу, что вы единственный человек, который правильно судит о положении нашего общества.

П. Ф. Николаев, отбывавший каторгу в Сибири вместе с Чернышевским как раз в период писания «Пролога», рассказывает в своих мемуарах: «Я помню, он читал нам свой «Пролог к прологу». Когда он читал «Дневник Левицкого», голос его задрожал, в нем слышались слезы. И он убежал тогда на полчаса, — вероятно, хотел остаться один со своими слезами. Он вообще не мог без слез вспоминать Добролюбова — так сильно он любил его и настолько выше себя ставил его».

С присущей Чернышевскому скромностью, он неизменно стремился внушить окружающим, что ставит своего друга выше себя, считает его дарования более богатыми и блестящими, характер более прямым и последовательным, натуру более сильной и энергичной.

Остались свидетельства, что и при жизни Добролюбова Чернышевский в беседах с друзьями, проводя параллели между ним и собой, неизменно отдавал предпочтение Добролюбову. Правда, и общие их друзья и общие противники находили преувеличения в этих заявлениях Чернышевского, но и те и другие получали самый решительный и резкий отпор с его

стороны. Отмечая, что Чернышевский часто разражался самообличениями, Антонович пишет: «Эти самообличения обыкновенно пересыпались панегириками Добролюбову, у которого, де, нет этих недостатков, он всегда тверд и непоколебим, как скала, что у него обширные познания и т. д. Однажды я попробовал было возразить Николаю Гавриловичу и сказал, что ему нет оснований завидовать обширности познаний Добролюбова, потому что у него самого еще больше этого добра и при том из разных областей, тогда как Добролюбов силен только в одной области. Он просто вскипел и горячо, почти с криком говорил: «Что вы? Что вы это говорите? Ведь Добролюбов только что со школьной скамьи, а дайте ему дожить до моих лет, так вы увидите, что из него будет. Еще на школьной скамье он уже окончательно сформировался и установился, а я... а я...» и опять полились самообличения...»

Так он отвечал союзникам, относившимся одинаково благожелательно как к нему, так и к Добролюбову. А ответом врагам была известная статья «В изъявление признательности», где, с презрением отвергая неуместные «похвалы» реакционера Зарина (задевавшие «мимоходом» память Добролюбова), Чернышевский публично бичевал коварного льстеца.

Как ни тяжело было Чернышевскому лишать себя на целый год помощи Добролюбова, он все же пытался удержать его от постоянного сотрудничества в «Современнике» до окончания института, желая уберечь его от возможных опасных столкновений с Давыдовым.

Но нужно было помочь Добролюбову, предоставив ему литературную работу, не связанную с журналом. Такой случай вскоре представился. По просьбе издателя А. Т. Крылова Чернышевский должен был написать

для «Русского иллюстрированного альманаха», задуманного Крыловым, статью о Пушкине. Уверенный в том, что Добролюбов прекрасно справится с этой задачей, Николай Гаврилович без колебаний передал ему эту работу.

До половины 1857 года участие Добролюбова в журнале было эпизодическим. Однако, кроме статьи о «Собеседнике любителей русского слова», Чернышевский, уступая настойчивым просьбам Добролюбова, напечатал в августовской книжке «Современника» 1856 года его едкий разбор «Акта Главного Педагогического института», приоткрывавший завесу над возмутительными порядками, царившими в институте, где заканчивал свое обучение автор. Анонимную рецензию эту приписали Чернышевскому, и она, по собственному его утверждению, доставила ему «бесчисленные оvationи», от когорых он не смел тогда открыто отрекаться, чтобы не поставить под удар своего молодого друга.

После первой встречи Добролюбов стал чаще и чаще бывать у Чернышевского. Общение с ним открыло для него новый мир. В эти дни он писал Н. Турчанинову: «С Николаем Гавриловичем сближаюсь все более и все более научаюсь ценить его. Я готов был бы исписать несколько листов похвалами ему... Я нарочно начинаю говорить о нем в конце письма, потому что знал, что если бы я с него начал, то уже в письме ничему не нашлось бы места. Знаешь ли, этот один человек может примирить с человечеством людей, самых ожесточенных житейскими мерзостями. Столько благородной любви к человеку, столько возвышенности в стремлениях и высказанной просто, без фразерства, столько ума строго последовательного, проникнутого любовью к истине, — я не только не находил, но не предполагал найти...»

Двадцатилетний юноша отлично понимал, какое огромное значение для него имело это знакомство. «С Николаем Гавриловичем, — говорится далее в том же письме, — толкуем не только о литературе, но и о философии, и я вспоминаю при этом, как Станкевич и Герцен учили Белинского, Белинский — Некрасова, Грановский — Забелина и т. п. Для меня, конечно, сравнение было бы слишком лестно, если б я хотел тут себя сравнивать с кем-нибудь, но в моем смысле вся честь сравнения относится к Николаю Гавриловичу. Я бы тебе передал, конечно, все, что мы говорили, но ты сам знаешь, что в письме это не так удобно...»

Последние строки ясно показывают, что в разговорах они уже тогда касались не только литературы и философии, но и тех вопросов, о которых небезопасно было сообщать в письмах, то-есть о самодержавии и крепостничестве, о борьбе с ними, о необходимости политического переворота в России, о всех способах содействия чаемой ими в близком будущем революции.

Из «Пролога» мы знаем, что, желая испытать твердость убеждений Левицкого и готовность его отдать все силы практической революционной деятельности, Волгин со свойственной ему манерой мистифицировать собеседника пробовал сначала «отпугнуть» Левицкого от мысли участвовать в революционной борьбе. С напускным скептицизмом он говорил ему о тщетности всякой борьбы, однако скоро должен был убедиться в непреклонности стремлений Левицкого — Добролюбова.

Влияние Чернышевского на младшего друга сказалось прежде всего в том, что прежнее безоговорочное преклонение Добролюбова перед Герценом скоро сменилось у него критической оценкой либеральных

колебаний, проявленных издателем «Колокола» во второй половине пятидесятих годов.

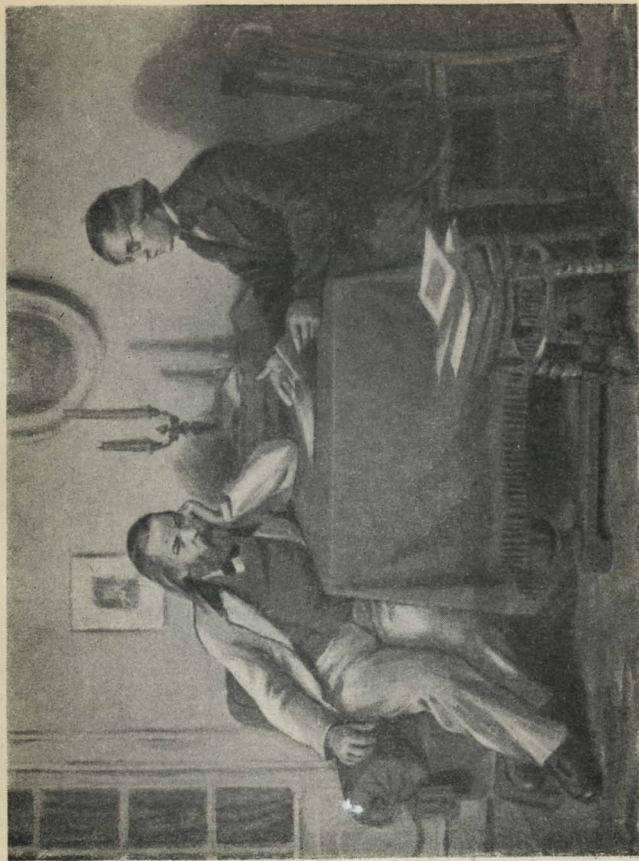
Первоначально Добролюбова очень смутил суровый отзыв о Герцене, услышанный от Чернышевского, который признался, что больше не интересуется новыми произведениями Герцена, так как держится теперь образа мыслей, не совсем одинакового с понятиями лондонского изгнанника.

Сохраняя глубокое уважение к революционной деятельности своего предшественника и учителя, признавая, что «по блеску таланта в Европе нет публициста, равного Герцену», Чернышевский вместе с тем не закрывал глаз на отступления его от позиций последовательного революционера.

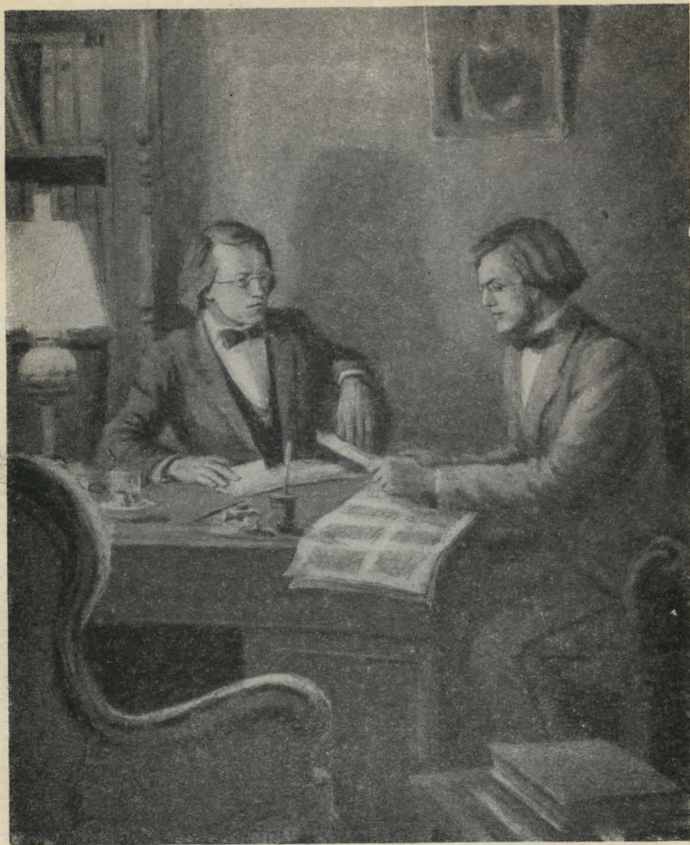
И Добролюбову скоро пришлось убедиться в правоте и проницательности Чернышевского. В дальнейшем временное расхождение Герцена с руководителями «Современника» ярко проявилось в выступлении издателя «Колокола» со статьей «Very dangerous!» («Очень опасно!», 1859 г.), в которой он нападал на Добролюбова и Чернышевского за их насмешливо презрительное отношение к либеральным веяниям эпохи, к «обличительной гласности».

Нам еще придется вернуться к этому эпизоду, вызвавшему поездку Чернышевского в Лондон для объяснений с Герценом, а теперь рассмотрим, как протекала борьба писателей-дворян, связанных с «Современником», сначала против Чернышевского, а затем против Чернышевского и Добролюбова вместе.

Н. Г. Чернышевский у А. И. Герцена в Лондоне, 1859 г. (Рис. художника Ю. М. Казминчева.)

Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. (Рис. художника
С. Байд.)